

Mrázek, Roman

По поводу объема модальности

In: *Otázky slovanské syntaxe. III, Sborník symposia "Modální výstavba výpovědi v slovanských jazycích"*, Brno 27.-30. září 1971. Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1973, pp. 280-281

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/120870>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ПО ПОВОДУ ОБЪЕМА МОДАЛЬНОСТИ

Настоящий симпозиум предусматривался организаторами, как совещание о синтаксических аспектах модальности. Мне лично представляется обоснованным и полезным понимать эти аспекты в широких димензиях. В модальном строении высказывания участвуют в той или другой мере все планы системы языка: звуковой (в смысле фонологии предложения), лексический, морфологический и синтаксический. Относительно мало было до сих пор сделано в деле изучения интонационного профиля высказываний, различающихся по общему модальному статусу и детальным вариантам его основных разновидностей. Лексическим средствам, во взаимодействии с грамматическими, правомерно уделялось внимание в некоторых докладах (напр., Г. Шустера-Шевца или Ф. Михалка применительно к явлениям лужицких языков). В числе морфологических средств наибольший удельный вес приходится на глагольные наклонения, система которых обильнее всего развилась в болгарском и македонском языках. К синтаксическим средствам в узком смысле слова относится, вместе с интонацией, прежде всего особое, специфицированное строение всей конструкции в целом; типичный пример тому — инфинитивные односоставные предложения.

Понятно, что при коллективном обсуждении некоторой темы всегда появляются также и выступления, лишь периферийно связанные с ее ядром. Это имеет свою положительную сторону, заставляя задумываться над общими проблемами, над смежными областями, над органическим местом данной тематической сферы. С другой стороны, надо избегать опасности истолковывать как модальные даже такие явления, которые по сути своей уже не являются таковыми. Работники университета в г. Брно считают, что даже при широком понимании модальности от нее принципиально следует отграничивать явления эмоциональности, несмотря на взаимосвязи и взаимопереходы (ср. оптативные высказывания, которые часто бывают одновременно восклицательными, т. е. эмоционально насыщенными). По этой же причине т. наз. повторы лишь в некоторых случаях стоят на службах модального оформления высказывания (ср. русск. *Если они это утверждают, то врут и врут!* 'решительно, вне всякого сомнения врут'), большей же частью выполняют иные функции. В научной литературе иногда говорили, например, о модальных значениях творительного падежа, имея в виду его значение образа действия, или еще его предикативное употребление; однако подлинная модальная значимость предикативного творительного падежа вызывает некоторые сомнения, подобно как и, например, явления т. наз. „членування“ в болгарском языке. Любопытно было слышать, что в качестве модальных должны

рассматриваться даже случаи особых подзначений возвратных глаголов (Г. А. Тагамлицкая), типа *Эта посуда не бьется*. Кое-что модальное здесь, вне сомнения, есть — об этом свидетельствуют иноязычные эквиваленты (напр. чешск. *To nádobí se nedá rozbít*). Кроме того, возникает мысль о том, нельзя ли говорить о последствиях модальности также в словообразовательном плане языка, и если да, то в каком смысле и в каких случаях; ср. факты типа чешск. *nerozbitné sklo*, русск. *непроходимый лес*, лес, который нельзя пройти'.

*

К Й. Седлачеку: Проблема т. наз. косвенной модальности в придаточных частях славянских языков содержит в себе, между прочим, детальный вопрос о соотношении союзных средств и модальных операторов в придаточной части. Хочется сделать замечание насчет косвенных побудительных частей. Типичным союзным средством здесь в чешск. языке выступает союз *aby*, выражающий модальную направленность на реализацию действия. Он в значительной степени синтаксичен, но все-таки меньше, нежели чисто синтаксический союз *že*; собственно говоря, *aby* = *že* + модальный оператор, ср. *Nařídil jsem mu, aby to přinesl* → *že to musí přinést*. Известно, что косвенные побудительные части являются изъяснительными. Но кроме того, с помощью союза *aby* могут вводиться также и обстоятельство-целевые придаточные части, и в них он носит уже характер семантического союза. Сопоставим: *Řekl jsem mu, aby se uklidnil* || *že se má uklidnit* (изъяснительная часть, косвенное побуждение), а, с другой стороны: *Řekl jsem mu to, aby se uklidnil* (целевая часть — здесь замена союза *aby* союзом *že* + модальным оператором недопустима).

*

К вопросу о функции звательного падежа: Оформление побуждения неразрывно связано с ролью звательного падежа, как показала З. Тополинська и как по этому поводу выступал Св. Иванчев. Меня беспокоит одна частная вещь — трансформация повествовательных предложений в побудительные в таких тривиальных случаях, как-то: *Petr читает книгу*. Представляется, что трансформация здесь может быть двойная, в зависимости от присутствия / отсутствия агенса действия, как и от отношения к нему говорящего. Ср. *Petr, читай книгу!* (прямое побуждение), в отличие от *Пусть Петр читает книгу!* (опосредствованное побуждение, чаще при отсутствии агенса). В обоих случаях мы вправе говорить о побудительных высказываниях и о синтаксическом императиве. Существительное *Petr* там и здесь выполняет роль грамматического подлежащего.